Затерянная Анастасия:
Страна мрака и надежды на свет

Сергей Григорьев

Затерянная Анастасия: Страна мрака и надежды на свет

https://litres.ru/74794402
SelfPub; 2026

Аннотация

В 03:33 Анастасия просыпается на станции, где часы остановились навсегда. Она не помнит прошлого — только имя, билет с надписью «Одна» и смутную вину: она не удержала чью-то маленькую руку.

За станцией — Страна мрака. Город, который дышит. Рынок, где торгуют памятью. Зеркала, в которых надежда улыбается детским лицом. Церковь, где учат гасить свет. Лес, говорящий голосом вины. Здесь свет — это еда, надежда — приманка, а у каждого на груди горит фонарик, который может погаснуть навсегда.

Анастасия ищет сестру. Путь ведёт к Яме Негаснущих Звёзд, где горит Первый Свет: кто его коснётся, вспомнит всё — но отдаст надежду насовсем.

Это история о том, что мрак — не место, а люди, переставшие ждать. И о том, что кто-то должен остаться светить. Даже в стране мрака. Особенно — там.

Сергей Григорьев
Затерянная Анастасия: Страна мрака и надежды на свет

Часть I. Станция

Глава 1. Билет без станции назначения

Первое, что Анастасия услышала, был звук.

Не голос. Не музыка. Звук, который издаёт старый холодильник ночью на кухне, когда весь дом спит, — низкое, ровное гудение, от которого кажется, что стены вот-вот начнут дышать. Он шёл отовсюду и ниоткуда. Из пола. Из потолка. Из собственных костей.

Потом пришёл свет.

Он был не белый и не жёлтый. Он был цвета старой газеты, которую слишком долго держали на солнце. Лампа висела над головой, одна-единственная, на проводе, покрытом паутиной. Паутина была толстая, как вата, и в ней что-то шевелилось — маленькое, сухое, с множеством лапок.

Анастасия лежала на скамейке.

Скамейка была деревянной, выкрашенной в зелёный цвет, но краска облупилась, и под ней проглядывало что-то тёмное, похожее на засохшую смолу. Или на кровь. Анастасия

не стала думать об этом. Она села. Медленно. Так, как садятся люди, которые не уверены, что их тело им подчиняется.

Тело подчинялось. Это было странно.

Она посмотрела на свои руки. Маленькие. Детские. С ободранными коленками — нет, коленки были под платьем, но она почему-то знала, что они ободраны. На левой ладони был след от ожога, старый, побелевший, в форме полумесяца. Она не помнила, откуда он.

Она не помнила почти ничего.

Помнила имя. Анастасия. Оно было внутри неё, как гвоздь, вбитый в доску, — не вытащить, не забыть. Помнила, что ей десять лет. Помнила, что у неё была мама. Помнила, что у неё была… кто-то ещё. Кто-то маленький. Кто-то, кого нужно было держать за руку.

А потом — пустота. Как будто кто-то взял ножницы и вырезал из её памяти кусок, аккуратно, по краю, чтобы не осталось заусенцев.

Зал ожидания был пуст.

Не «пуст», как бывает пустым вокзал ночью, когда все разошлись по домам и остались только швабра уборщицы в углу да объявление по радио. Он был пуст неправильно. Как квартира, из которой только что выехали жильцы: остались крючки в стенах, остались тёмные прямоугольники на обоях там, где висели картины, остались вмятины на диване — но самих жильцов нет, и ты чувствуешь, что они не просто ушли, а были забраны.

Скамейки стояли в ряд. Двадцать штук. Все пустые. На некоторых лежали вещи: забытый шарф, детская перчатка, чья-то сумка, раскрытая, как рот. В сумке лежал кошелёк. Анастасия не стала заглядывать в кошелёк. Что-то подсказывало ей, что там нет денег. Там вообще вряд ли что-то есть. Там, возможно, лежит что-то, что лучше не видеть.

На стене висело расписание.

Анастасия подошла. Буквы были выцветшие, но читались. Это было странно, потому что язык был незнакомый — какой-то кривой, с закорючками, с буквами, которые притворялись другими буквами. Но она всё равно понимала. Так бывает во сне: ты смотришь на текст, и он не на твоём языке, но ты знаешь, что там написано.

Расписание было таким:

03:33 — прибытие.

03:33 — отправление.

03:33 — проверка билетов.

03:33 — конец.

И всё. Никаких других строк. Никаких других поездов. Только одна строка, повторённая четыре раза, как заклинание. Как приговор.

Анастасия посмотрела на часы над расписанием.

Они были круглые, в металлическом корпусе, с трещиной через стекло. Стрелки стояли. Часовая — на трёх. Минутная — на шести. Секундная — тоже на шести, но она дёргалась. Каждую секунду она пыталась сдвинуться и не могла. Она

была как муха, которая бьётся в стекло и не понимает, что стекло — это не воздух.

03:33.

Время не шло. Оно стояло, как вода в затхлом пруду.

Анастасия обернулась. За её спиной было окно.

Окно было большое, во всю стену, и в нём не было ничего. Не день, не ночь. Серое марево, как будто кто-то взял мир и размыл его мокрой тряпкой. В мареве угадывались силуэты — дома, крыши, трубы, — но они были нечёткие, как будто находились очень далеко или очень близко, и глаз не мог решить, что из двух.

На стекле кто-то написал пальцем.

Пыль лежала на стекле толстым слоем, и в ней был прочерчен след. Буквы были неровные, как будто писала рука, которая очень торопилась или очень боялась. Или и то и другое.

«Не верь свету, который зовёт тебя по имени».

Анастасия прочитала это три раза. Потом ещё раз. Потом провела пальцем по буквам. Пыль была холодная. Под ней было стекло. За стеклом было серое марево.

Кто это написал? Когда? И почему именно это?

Она не знала. Но что-то внутри неё — то самое место, где сидел гвоздь с её именем, — сказало: запомни. Это важно. Это важнее всего остального.

Она запомнила.

На платформе, за стеклянными дверями, стояли часы.

Другие. Большие, вокзальные, на чугунной ноге. Они тоже показывали 03:33. Под ними, на полу, лежал билет.

Анастасия толкнула дверь. Дверь не скрипнула. Она не издала ни звука. Это было хуже, чем скрип. Скрип — это признак того, что вещь живая, что она сопротивляется, что у неё есть воля. А эта дверь просто поддалась, как будто давно ждала.

Платформа была длинной. Очень длинной. Она уходила в серое марево в обе стороны и не заканчивалась. Рельсы блестели. По ним шёл тот самый гул — низкий, ровный, от которого дрожали зубы.

Билет лежал на полу. Он был тонкий, как лепесток, и серый, как всё вокруг. Анастасия наклонилась и взяла его.

Билет был тёплый. Не горячий. Тёплый, как рука спящего человека. От этого Анастасии стало страшно сильнее, чем от всего остального.

На билете было напечатано:

Станция отправления: —

Станция назначения: —

Время: 03:33

Пассажир: Анастасия. Одна.

Слово «одна» было напечатано крупнее остальных. Как будто это было самое важное. Как будто это был диагноз.

Анастасия перевернула билет. На обратной стороне было мелким шрифтом, почти нечитаемым:

«Пассажир обязан хранить билет до конца поездки. Пас-

сажир обязан не покидать вагон. Пассажир обязан не разговаривать с теми, кто стоит на платформе. Пассажир обязан помнить: поезд уже ушёл. Поезд всегда уже ушёл. Если вы слышите поезд — это не поезд».

Она подняла голову.

И в этот момент лампа в зале ожидания погасла.

Тьма была не полной. В ней оставалось серое марево из окна, и оно теперь казалось ярче, чем свет. Анастасия стояла на платформе, сжимая билет, и слушала.

Гул не прекратился. Он стал громче. И в нём появился новый звук.

Шаги.

Медленные. Тяжёлые. Каждый шаг — как удар сердца, только снаружи. Они приближались. И вместе с ними приближался свет — не тот серый, а другой, желтоватый, дрожащий, как пламя свечи, которую несёт кто-то очень большой.

А потом кто-то очень тихо, очень вежливо сказал:

— Добро пожаловать в Страну мрака. Здесь у каждого есть надежда. Проблема в том, что она живая.

Анастасия не обернулась.

Что-то внутри неё — то самое, где сидело её имя, — сказало: если обернёшься, он узнает, что ты видишь. А если он узнает, что ты видишь, он придёт за тобой.

Она не знала, откуда взялась эта мысль. Может быть, из той жизни, которую у неё вырезали. Может быть, из надписи на стекле.

Она побежала.

Глава 2. Смотритель

Платформа тянулась бесконечно. Анастасия бежала, и колени у неё дрожали, и в боку кололо, и лёгкие горели, но она не останавливалась. Позади шаги продолжались. Они не ускорялись. Они не замедлялись. Они просто шли. Ровно. Тяжело. Как метроном.

Она оглянулась через плечо — всего на секунду, на полсекунды, — и увидела.

Он был высокий. Слишком высокий. Такой высокий, что его голова терялась в сером мареве, и было непонятно, где заканчивается он и начинается тьма. Он был в форме — тёмной, с медными пуговицами, которые блестели, хотя света не было. В руке он держал фонарь. Фонарь был старый, жестяной, с ручкой, и внутри него что-то горело.

Но не это было самое страшное.

Самое страшное было то, что вместо головы у него был фонарь. Тот же самый. Жестяной. С ручкой. И в стекле горел свет, и этот свет двигался, как будто внутри что-то живое, и оно смотрело.

Свет смотрел на неё.

Анастасия отвернулась и побежала быстрее.

Она не знала, куда бежит. Платформа была одна, и она вела в серое марево, и в мареве не было ничего. Но бежать было лучше, чем стоять. Бежать — это значит, что ты ещё не сдалась. Бежать — это значит, что ты ещё что-то выбираешь.

Слева от платформы появилась стена. Анастасия не заметила, когда она появилась. Только что была пустота — и вот уже стена, кирпичная, тёмная, с потёками, как будто по ней долго текла вода, а потом перестала, но следы остались. В стене была дверь.

Дверь была маленькая. Служебная. С табличкой «Посторонним вход воспрещён». Табличка была прикручена криво, одним шурупом, и болталась.

Анастасия не думала. Она рванула дверь на себя.

Дверь открылась.

За ней была лестница. Узкая, винтовая, уходящая вниз. Внизу было темно. Не серо, как на платформе, а по-настоящему темно — густо, как чернила.

Шаги за спиной приблизились.

Анастасия шагнула на лестницу и закрыла за собой дверь.

Темнота обняла её, как мокрая простыня. Она стояла, прижавшись спиной к двери, и слушала.

Шаги остановились.

Потом раздался звук. Металлический. Скрипучий. Как будто кто-то очень большой наклонился и провёл пальцем по двери с той стороны. Медленно. Сверху вниз. Как будто гладил.

А потом — голос. Тот же самый. Вежливый. Тихий. Он не кричал. Он говорил так, как говорят с ребёнком, который спрятался под одеялом и думает, что его не видно.

— Пассажир, — сказал он. — Проверка билетов.

Анастасия не дышала. Сердце колотилось где-то в горле, и она боялась, что он услышит, как оно стучит. Оно стучало громко. Оно стучало так, что, казалось, весь мир должен был это слышать.

— Пассажир, — повторил он. — Билет действителен только при наличии пассажира. Если пассажир отсутствует, билет аннулируется. Аннулированный билет подлежит уничтожению. Пассажир подлежит…

Он замолчал.

Анастасия ждала.

Тишина была хуже голоса. Тишина была как занесённая рука.

Потом он сказал — уже не ей, а кому-то другому, кого не было видно:

— Здесь был свет. Я чувствую. Свет был здесь.

И шаги ушли. Медленно. Тяжело. Как метроном.

Анастасия сползла по двери на пол и села. Пол был холодный и липкий. Она не смотрела, чем он липкий. Она просто сидела и дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Как будто училась этому заново.

В темноте что-то зашевелилось.

Не рядом. Дальше. Внизу, на лестнице. Маленькое. Шуршащее.

Анастасия замерла.

— Не бойся, — сказал голос из темноты. — Я не Смотритель. Я хуже.

Он сидел на ступеньке внизу. Старик. Очень старый. Такой старый, что казался сделанным из бумаги, которую слишком долго держали в сыром месте. У него было длинное серое пальто, и на груди висел фонарик — маленький, круглый, почти погасший. Внутри фонарика тлел огонёк. Слабый. Как уголёк, который уже не греет, но ещё светит.

Глаза у него были завязаны тряпками. Грязными. Серыми. Тряпки были намотаны в несколько слоёв, и из-под них не было видно ничего.

— Ты кто? — спросила Анастасия.

Она удивилась, что может говорить. Голос был хриплый, как будто она долго молчала. Может быть, она и правда долго молчала. Может быть, она молчала всю ту жизнь, которую у неё вырезали.

— Проводник, — сказал старик. — Так меня зовут те, кто ещё ходит. — Он помолчал. — А ты — Анастасия.

Анастасия вздрогнула.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя билет в руке. — Он кивнул на её руку, хотя не мог видеть. — Я слышу, как он шуршит. И слышу, как он тебя называет. Билеты здесь всегда называют пассажиров. Это их работа.

— Ты слепой?

— Да. — Он усмехнулся. Усмешка была сухая, как кашель. — Это к лучшему. Слепые здесь живут дольше. Свет не зовёт слепых по имени. Свет вообще не любит слепых.

Ему неинтересно.

Анастасия посмотрела на его фонарик.

— Он почти погас.

— Да.

— Почему?

Проводник помолчал. Потом сказал:

— Потому что я уже почти не надеюсь. — Он поднял голову. — Здесь у каждого есть фонарик. Он горит, пока ты надеешься. Чем сильнее надеешься — тем ярче горит. И тем заметнее ты для тех, кто охотится.

— Кто охотится?

— Смотритель. Мать-Фонарщица. Торговцы памятью. Священник Погасших. — Он перечислил их так, как перечисляют дни недели: без страха, но и без радости. Просто факт. — Они здесь не потому, что злые. Они здесь потому, что голодные. А свет — это еда.

Анастасия посмотрела на свои руки. На билет. На фонарик старика.

— У меня нет фонарика.

— Есть. — Проводник протянул руку. В его ладони лежала спичка. Одна. Длинная, с коричневой головкой. — Это лучше. Фонарик видно издалека. Спичку — нет. Спичка горит недолго. Но пока горит — ты видишь путь.

Анастасия взяла спичку. Она была лёгкая. Почти ничего. Но почему-то, когда она взяла её, ей стало немного спокойнее.

— Правило первое, — сказал Проводник. — Зажжёшь — увидишь путь. Но тебя увидят.

— А если не зажгу?

— Тогда не увидишь путь. — Он пожал плечами. — Здесь всегда так. Каждый выбор — это обмен. Ты отдаёшь что-то, чтобы получить что-то. Вопрос только в том, что ты готова отдать.

Анастасия спрятала спичку за пазуху. Она была тёплая. Как билет. Как рука спящего.

— Мне нужно найти сестру, — сказала она.

Она не знала, откуда взялись эти слова. Они просто вышли. Как будто были внутри всё это время, как гвоздь с именем, и ждали, когда она их произнесёт.

Проводник поднял голову. Медленно.

— Сестру, — повторил он. — Значит, ты из тех, кто помнит. — Он помолчал. — Это плохо. Память здесь — как кровь. Она приманивает.

— Я не помню её лица, — сказала Анастасия. — Я помню только, что она была. И что я должна была её держать за руку. И что я не удержала.

Проводник долго молчал.

Потом сказал:

— Тогда слушай внимательно. Я скажу тебе три вещи. Первую ты уже знаешь: не верь свету, который зовёт тебя по имени. Вторую ты узнаешь, когда дойдёшь до рынка: не продавай то, что не можешь вернуть. И третью…

Он замолчал.

— Какую третью?

— Третью ты узнаешь, когда тебе будет нечего терять. — Он встал. Ступеньки скрипнули. — А теперь иди. Смотритель вернётся через семь минут. У него нет часов, но он всегда возвращается через семь минут. Он очень пунктуальный.

— А ты?

— А я останусь здесь. — Он сел обратно. — Я жду.

— Кого?

Он не ответил.

Анастасия спустилась по лестнице. Внизу была ещё одна дверь. Она открыла её и вышла в город.

Глава 3. Город-утроба

Город был как рот.

Анастасия не сразу поняла это. Сначала она увидела просто улицу — узкую, мощёную, с домами по обе стороны. Дома были высокие, тёмные, с окнами, которые светились тускло, как гнилушки в лесу. Над крышами висело серое небо, то самое, из окна станции. Оно не двигалось. Оно было как потолок.

Но потом она сделала несколько шагов, и город повернулся.

Улица изогнулась. Не резко, не сразу — медленно, как будто кто-то очень большой повернул голову. Дома наклонились друг к другу, и их крыши сошлись над улицей, как зубы. Окна стали глазами. Двери стали ртами.

Анастасия остановилась.

Город дышал. Она слышала это. Вдох — и дома чуть-чуть расходились. Выдох — и сходились. Медленно. Ровно. Как спящий.

По улице шли люди.

Их было много. Они не толкались, не разговаривали, не смотрели по сторонам. Они просто шли. У каждого на груди висел фонарик. У некоторых он горел — тускло, как у Проводника. У других был погасшим. У третьих вместо фонарика была чёрная повязка на глазах.

Люди с погасшими фонариками шли медленнее. Они шаркали ногами. Их лица были серые, как небо. Люди с повязками шли ровно, уверенно, как будто знали дорогу. Люди с горящими фонариками шли быстро. Очень быстро. И всё время оглядывались.

Анастасия тоже оглянулась.

Позади, в конце улицы, стоял Смотритель.

Он не шёл за ней. Он просто стоял. Его фонарь-голова светил в её сторону, и свет был ровный, спокойный, как прожектор на вокзале. Он как будто говорил: я тебя вижу. Я всегда буду тебя видеть. Можешь идти. Я подожду.

Анастасия отвернулась и пошла быстрее.

Она старалась держаться рядом с людьми. Не потому, что они казались безопасными, — они казались чем угодно, но не безопасными, — а потому что в толпе её было труднее заметить. Так делают животные в стаде. Так делают дети, когда

боятся.

Она шла и смотрела по сторонам.

Вывески над магазинами были странные. «Зеркала и рамы. Недорого». «Память. Скупка и продажа». «Свет в кредит». «Гасим надежду. Быстро. Качественно». «Детские фонарики. Все размеры».

У одной витрины она остановилась.

За стеклом стояли фонарики. Много. Разных размеров. Маленькие, побольше, совсем крошечные. Они висели на крючках, как ёлочные игрушки. Внутри каждого горел огонёк. И огоньки двигались. Они метались по стеклу изнутри, как будто хотели вырваться.

На табличке было написано: «Свежие. Только что погасли. Недорого».

Анастасия смотрела на фонарики, и что-то внутри неё — то место, где сидело имя, — начало болеть. Тупо. Ноюще. Как зуб.

Один фонарик был особенно маленький. Совсем крошечный. С ладошку. Внутри него бился огонёк, и этот огонёк был не жёлтый, а голубой.

Анастасия протянула руку.

— Не трогай.

Голос был женский. Резкий. Анастасия отдёрнула руку и обернулась.

Перед ней стояла женщина в сером пальто. Её лицо было почти нормальным — почти, потому что тени под глазами

шевелились. Медленно. Как черви в земле. На груди у неё висел фонарик. Он горел тускло.

— Не трогай, — повторила женщина. — Они чувствуют, когда их трогают. И потом находят.

— Кто они?

— Те, кто внутри. — Женщина кивнула на витрину. — Это были дети. Они надеялись. Сильно надеялись. А потом их поймали. Теперь они светят. Пока не погаснут. А когда погаснут — их выбросят.

Анастасия посмотрела на голубой огонёк. Он бился чаще остальных. Как будто узнал её.

— Это… это она?

— Не знаю. — Женщина пожала плечами. — Может быть. Может быть, нет. Здесь много детей. Здесь все дети рано или поздно становятся фонариками. — Она помолчала. — Ты из тех, кто ещё помнит свет?

— Не знаю, — сказала Анастасия.

— Тогда не стой на месте. Свет здесь слышит шаги.

Женщина пошла дальше. Её фонарик мигнул и погас. Она не заметила. Она просто шла, шаркая ногами, и тени под её глазами шевелились всё медленнее.

Анастасия ещё раз посмотрела на витрину.

Голубой огонёк бился. Бился. Бился.

Потом замер.

А потом — Анастасия была почти уверена, хотя не могла поклясться, — огонёк поднялся к самому стеклу и прижался

к нему изнутри. Как будто хотел, чтобы его коснулись.

Анастасия не стала трогать.

Она отвернулась и пошла дальше. И всю дорогу, всю улицу, она чувствовала спиной, как голубой огонёк смотрит ей вслед.

Улица вывела её на площадь.

Площадь была большая. Круглая. В центре стоял фонтан. В фонтане не было воды. В нём было что-то другое. Что-то тёмное, густое, что медленно переливалось через край и стекало по камням.

Вокруг фонтана стояли люди. Много людей. Они стояли неподвижно, лицом к фонтану, и молчали.

Анастасия подошла ближе.

Люди были не просто неподвижны. Они были выключены. Как лампочки. Их глаза были открыты, но в них ничего не было. Их фонарики на груди не горели. Их руки висели вдоль тела. Некоторые стояли так, что казалось, будто они вот-вот упадут, но они не падали.

Над фонтаном висела табличка:

«Погасшие. Не беспокоить. Они уже дома».

Анастасия смотрела на них, и ей становилось холодно. Не снаружи. Внутри. Холодно и пусто, как в доме, из которого вынесли всю мебель.

Один из Погасших повернул голову.

Медленно. С хрустом. Как будто шея у него была сделана из старого дерева. Он посмотрел на Анастасию. Его глаза

были открыты, но в них не было ничего. Просто стекло.

Потом он открыл рот.

— Ты ещё светишь, — сказал он. Голос был ровный, без интонаций, как у робота, которого забыли выключить. — Это пройдёт. Всем становится спокойно. Тебе тоже станет спокойно. Просто перестань ждать.

— Чего ждать?

— Чего угодно. — Он закрыл рот. Потом открыл снова. — Я ждал сына. Двадцать лет. Он не пришёл. Потом я перестал ждать. И стало спокойно. — Он помолчал. — Теперь я стою здесь. Это хорошо. Здесь тихо.

Он отвернулся. С тем же хрустом. И снова стал неподвижным.

Анастасия отошла от фонтана.

И в этот момент она услышала.

Голос. Где-то далеко. Высокий. Тонкий. Детский.

Он пел.

Анастасия замерла.

Она не знала слов. Она не знала мелодии. Но что-то внутри неё — то место, где сидело имя, то место, где была вырезана память, — узнало этот голос.

Это была колыбельная.

Мамина колыбельная.

И голос, который её пел, был голосом её сестры.

Анастасия сделала шаг в сторону голоса.

И город повернулся.

Дома наклонились. Улица изогнулась. Фонтан за спиной издал звук — глубокий, булькающий, как будто что-то проснулось. Погасшие повернули головы все сразу. С хрустом. Сотни хрустов. Как будто лес ломался.

А Смотритель — Анастасия увидела его краем глаза — перестал стоять. Он пошёл. Быстро. Не метрономом. Быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.